

На днях в Военно-медицинской академии состоялся выпуск курсантов. Еще 350 молодых людей получили профессию военного врача. И всех выпускников распределили по гарнизонам.

Сергей Ярославович ИВАНУСА (на фото) с отличием окончил ВМедА в 1986 году — факультет подготовки врачей для Военно-Морского Флота. Сейчас профессор, заслуженный врач РФ, полковник медицинской службы Ивануца — начальник кафедры общей хирургии.

Кстати, с морем связана не только профессия Сергея Ярославовича, но и его хобби. Он со студенчества занимается яхтенным спортом. В его активе — многие парусные регаты, в том числе «Гранд Регата Колумбус», посвященная открытию Америки Колумбом, маршрут которой включал 11 морей. Многие напоминает о морской стихии и в кабинете Сергея Ярославовича. А один из экспонатов — модель подводной лодки, на которой он когда-то служил после окончания академии.

Фото автора

Сергей ИВАНУСА:

Я был генеалогически подготовлен к работе военного хирурга

— Сергей Ярославович, чем подготовка военного врача отличается от подготовки врача гражданского?

— Мы готовим специалистов, которые могут работать в экстремальных условиях, включая боевые действия, различные географические и погодные условия, необходимость работать «с колес». Причем в академии учитывается и специфика родов войск. Я, например, во время учебы на факультете подготовки врачей для ВМФ проходил тренировки и по подъему с глубины, и по аварийному выходу с подлодки через торпедный аппарат, и осваивал элементы водолазного дела. Само собой, все курсанты проходят определенную армейскую подготовку — начиная с курса молодого бойца, сразу после зачисления первокурсников. Это очень важно — заранее готовить к армейской жизни, а не брать в гарнизон врача с «гражданки», как время от времени предлагается. Потому что армия — это еще и субординация, строгое выполнение приказа, необходимость, как это написано в уставе, «стойко переносить тяготы и лишения военной службы». Я вообще считаю, что академия — как высшее медицинское учебное заведение с громадным опытом подготовки врачей для работы в экстремальных условиях — могла бы стать и общероссийским центром подготовки врачей не только для армии, но и для других силовых структур. Чтоб была единая доктрина оказания медпомощи в экстремальных условиях.

— Почему вы остановили свой выбор на профессии хирурга ВМФ?

— Знаете, ВМедА испокон веков негласно называли академией имени Тургенева — это по аналогии с названием романа «Отцы и дети». Потому что в стенах академии сформировалось довольно много медицинских династий. И в этом нет ничего плохого: если человек с детства впитал в себя «дух специальности», то он генеалогически подготовлен к ней. Он с детства слышит разговоры о работе, специфические медицинские термины, видит, насколько его отца или деда уважают коллеги и пациенты. Я пошел по стопам отца, хирурга Военно-Морского Флота. Мой отец, Ярослав Михайлович, проходил службу на Сахалине, на Балтике. Вышел в отставку, будучи главным хирургом ВМФ. Но наша династия — всего в двух поколениях. Отец и я. Моя дочь выбрала для себя специальность, далекую от медицины.

— Куда вас распределили после окончания академии?

— На Балтийский флот, начальником медицинской службы средней подводной лодки. Не знаете, что такое средняя подлодка? Это дизельная подлодка, 80 метров в длину, 60 человек экипажа, из них 40 — матросы.

— Вы побывали в горячей точке — в Косове...

— В 1988 году я вернулся в академию адъюнктом, то есть, по аналогии с гражданским вузом, поступил в аспирантуру. Вот с этого года я и нахожусь в штате кафедры общей хирургии. В 2000-м пришла разнарядка на врачей для миротворческого контингента в Косове. Руководство сказал: «Ты еще нигде не был, поезжай». Командировка была на год. Тогда как натовских врачей в те времена посылали на 3 месяца. Они считали, что больше в экстремальных условиях выдержать нельзя без ущерба для собственного здоровья.

О политике не будем. Задача военного — выполнять приказ, а не обсуждать ситуацию. В 2000 году в Косове уже было относительно спокойно в плане активных боевых действий, но человеческая напряженность сохранялась. Албанская диаспора активно вытесняла сербскую с традиционных мест проживания. И еще одной особенностью периода было наличие большого количества людей с оружием. Наш госпиталь был развернут не в чистом поле, а в здании бывшей фармацевтической фабрики, что вызывало опре-

Военно-медицинские учения для курсантов ВМедА — давняя традиция. В таких учениях когда-то принимали участие и нынешние преподаватели академии.

деленную зависть у медиков других миротворческих миссий, вынужденных разворачивать модульные палатки. Госпиталь был рассчитан на 45 коек. Привозили к нам как наших военнослужащих, так и местное население — сербов. Отмечу, что сербы на лечение стремились именно к русским, видимо, как к братьям-славянам. Насколько было спокойно? Могли гранату на территорию госпиталя подбросить (к счастью, не взорвалась, минеры обезвредили), были демонстрации протеста возле госпиталя (албанцы — за то, что какого-то известного серба лечим). Где-то бывали и перестрелки. На патрулирование и на дальние точки выезжали на бронетехнике или в сопровождении автоматчиков. Естественно, мне, как и всем остальным, личное оружие выдали.

— И что было для вас самым страшным?

— Панического страха в общечеловеческом понимании, наверное, не было. Но периодически страшно было то, что ты понимаешь: обстановка такова, что в любой момент миротворческая деятельность может превратиться в боевые действия. Это постоянный огромный психологический стресс, усугубленный удаленностью от дома, сложностью просто позвонить домой, картиной разрушений вокруг, необходимостью работы в замкнутом коллективе. Госпиталь напоминал большую подлодку в автономном плавании.

Мы много общались с медиками из миротворческих миссий других государств. Выяснилось — у них число суицидных попыток и психологических срывов среди персонала неизмеримо выше, чем у нас. Хотя, повторюсь, срок их командировок был в четыре раза меньше. У нас всего этого практически не было. То есть российские военнослужащие, и врачи в частности, были более адаптированы к работе в

экстремальных условиях. Это следствие не только русского характера, но и академической подготовки.

— Сейчас очень много говорят о модернизации академии, средства уже на первый этап выделили. Академии предстоит развиваться на исконно занимаемых ею территориях...

— Да, напряжение прошлого года в связи с предполагаемым перебазированием в Горскую прошло. Но академии, несомненно, требуется дальнейшее развитие. Планируется строительство медико-реабилитационного загородного центра, современного онкологического центра, который тоже можно расположить только за городом (аппаратуру для радиологического лечения нельзя устанавливать в центре города). То есть нам нужна какая-то еще территория. А онкологический центр нужен не только военнослужащим, но и горожанам. Потому что заболеваемость растет, а имеющихся профильных клиник все-таки недостаточно.

Татьяна ТЮМЕНЕВА

КСТАТИ

На торжественном выпуске курсантов ВМедА присутствовал Руслан Цаликов, заместитель министра обороны РФ. Он подтвердил, что академия будет развиваться на исторических территориях, что деньги на модернизацию выделены и будут выделяться впрямь и что академия также будет расширяться и вне исторических территорий. Где конкретно — пока не определено.